

ГЛАВА 1

— Стой! Сворачивай! Во двор! Я почувал. Митя резко крутанул руль и включил мигалку. Ночной город вздрогнул, шарахнулась оказавшаяся на пути легковушка. Они съехали с хорошо освещенного шоссе и будто пересекли границу живых и мертвых. Вместо гладкого асфальта под колесами оказались колдобины и лужи; свет фар продирался сквозь темень, как сквозь джунгли, выхватывая то чуть тронутые ржавчиной железные качели, то пустые сейчас скамейки, то двери подъездов. В окраинных районах дома представляли собой похожие друг на друга панельные коробки, причем исключительно многоподъездные. Беда для оперативника в таких работать!

Яму они не увидели, но уж ощутили — будь здоров! Машина чиркнула брюхом об асфальт, Митя сквозь зубы выругался, но Костя вообще ничего не заметил. Впрочем, шофер не удивился: раз сказано «я почувал», значит, начинается странное. Все они, когда чувуют, становятся странными, будто уже и не людьми.

Костя указал, где остановиться, схватил чемоданчик и выскочил из машины, едва та затормозила. На мгновение замешкался. Два подъезда рядом. В какой? Времени на раздумье не было, и пришлось выбирать наугад.

Подъезд приветствовал запахом кошачьей мочи, окурками и полумраком. Это иногородние уверены, что в Москве везде неоновые огни, дорогие автомобили и сплошной праздник жизни. Те, кто уже пожил в столице, знают, что такая нищета, как в этом городе, мало где встречается. Впрочем, и такая роскошь тоже. Одних это закаляет, других ломает и лишь на дежурных оперативников действует как духовная практика, после которой к жизни начинаешь относиться философски. Сложно стремиться к деньгам и власти или бояться бедности, когда одно сменяет другое со скоростью маленькой желтой машинки, мотающейся по городу по вызовам и провожающей в последний путь нищих и миллионеров, рабочих и поэтов, убийц и их жертв.

Запах вел лучше любого фонаря, ноги сами перемахивали через две-три ступени, а в голове стучало «успеть-успеть-успеть!». Слишком мало времени оставалось. Пятый этаж. Это должно быть здесь. Костя вдавил кнопку звонка, еще и еще раз. Залаяла собака, затем раздались шаркающие шаги, звяканье ключа...

— Кто там? — послышался старческий голос. Из-за двери сочилось недовольство. Все они поначалу недовольны, раздражены, пока не поняли, пока не поверили в то, что происходит.

— Фохао. Реинкарнация.

Сдавленный вздох услышать было невозможно, но Костя знал, что он есть. Всегда бывает.

Дверь распахнулась, но, против ожиданий, запах не усилился. Испуганные глаза, взъерошенные седые волосы, полосатая пижама... нет, от этого старика не пахло смертью. Тогда кто же?

— Вы за мной? — пролепетал он.

Костя гаркнул:

— Кто еще в квартире?!

— Я один живу...

Пес жался к ногам старика, не переставая отчаянно, до хрипоты, облаивать странного незнакомца, что ввалился среди ночи, напугав хозяина.

Стоило реинкарнаторам почуять смерть, и окрестные псины сходили с ума от злости и страха. А вот кошки плевали на все с высокого дацана. Говорят, недавно ученые выяснили, что и реинкарнаторы, и кошки живут на границе миров, между жизнью и смертью, а собаки как хранители жизни терпеть не могут проводников смерти. Вот и бешутся и от тех и от других. Сами реинкарнаторы в этот бред не верили, тем более фамилий «ученых» под исследованием не стояло. Зато пресса активно обсасывала новость. У кошек, понятное дело, комментарии получить не удалось.

— Ох... вы что же, за моим Графом? Нет ведь, правда? — обнял старик лохматого сеттера.

Костя даже отвечать не стал. Это первые годы, в начале работы, ему казалось нужным и важным просвещать, отвечать на idiotские вопросы, объяснять, развеивать мифы. Потом стало ясно: все без толку. Народное творчество сильнее всех доводов, фактов и логики. И пусть. Хотят люди считать, что реинкарнаторы — мифические существа с черными крыльями, острыми зубами и когтями? Пусть. Уверены, что те питаются кровью и человеческими мечтами? Тоже пусть. Думают, будто способны наслать на врагов смерть и лично от Князя Смерти получают указания? Да пусть! Лишь бы не мешали работать.

А то впадут в истерику от страха и потратят драгоценные минуты на ерунду. В том году один псих при виде Кости стал убегать от него — по всему подъезду бегал в чем мать родила, орал и отмахивался, так что

даже пришлось вызвать шофера на подмогу. Только вдвоем удалось скрутить полоумного и привязать к стулу. Так и помер, бедолага... Но хоть не дрался! Тяжелей всего работать с теми, кто защищается, кто уверен, что сражается за свою жизнь! Вроде с детства всем вбивают в голову правила первой помощи умирающим, объясняют, что делать, если приехала Скорая реинкарнаторская, но большинству это как колокольный звон: в одно ухо влетело, в другое вылетело. Выучил — сдал — забыл. Старик вот считает, будто реинкарнаторам есть дело до домашних питомцев...

Костя не заметил, что прошел насквозь коридор, гостиную и спальню, и очнулся, лишь когда уперся в стену, из-за которой несло чуть сладковатым запахом смерти. В народе его как только не называли: и запахом трупа, и смесью одеколona «Шипр» с жженым сахаром, и даже запахом жареного мяса. Ужасное сравнение, ставшее с легкой руки писателей штампом. Реинкарнаторы от него морщились, все, кого ни спросишь. Грубо очень, наотмашь, и неверно. Смерть пахнет чуть слышно, тонко, она и сама крайне деликатная особа, приходит мягко, как снег, но бескомпромиссно. С жареным мясом честнее сравнивать жизнь. Ни у кого она не бывает, как говорят англичане, *well done*. То с кровью, то с болью, а то и в печь приходится лезть да по горячим углям ходить. Души иначе не закаляются.

— Что там? — рявкнул Костя, уперев палец в стену.

Старик вздрогнул:

— Квартира в соседнем подъезде, там живут...

Но Костя уже не слушал, ринулся прочь, обратно по лестнице вниз, перепрыгивая ступеньки. «Успеть-успеть-успеть...» — билось в его мозг.

Он не заметил, как выскочил на улицу, рванул дверь в соседний подъезд и взбежал на пятый этаж. В этом

состоянии реинкарнаторы вообще окружающий мир почти не замечают. Тот размывается, будто смотришь через толщу воды: ткань бытия истончается, уходит на задний план, и лишь запах пульсирует, словно вена, соединяющая умирающего с реинкарнатором. Спроси его потом, где был, что видел, — он лишь недоуменно пожмет плечами. Смерть видел, что ж еще?

Эта особенность убирает все эмоции, в том числе страх. О, сколько пафосных книг и стихов написано о героях, ради слепка кармы пересекающих линию фронта или бросающихся в горящий дом! Люди восхищаются их бесстрашием, принимая его за самоотверженность. Сами же реинкарнаторы считают, что прославлять их смелость — все равно что восхищаться отвагой умственно отсталого: ни тот ни другой просто не ощущают опасности, не видят ее, не понимают.

Костя снова вдавил кнопку звонка и снова услышал вопрос «кто там?». Ответ все тот же: «реинкарнация», и опять тяжелый вздох. Раньше он пытался угадать, кто откроет дверь: мужчина или женщина, молодой или пожилой, но результаты не выходили за рамки «статистической погрешности», как их оценил друг Женька. Другими словами, ощущение смерти никак не связывало с личностью умирающего. Реинкарнаторы понятия не имеют, за кем пришли, пока не сталкиваются с этим человеком нос к носу.

Дверь открыла невысокая стройная женщина. На ночную рубашку накинут халат, пальцы теребят узел пояса. Нет, с ней все хорошо... Правда, «хорошо» продлится недолго, еще две минуты и сорок семь секунд. Он запретил себе жалеть родственников еще лет пятнадцать назад, иначе просто невозможно, иначе надо уходить из профессии. Самое сложное не в том, чтобы каждый день слышать последний вздох умирающего;

гораздо тяжелее выдерживать горе оставшихся в живых.

Женщина уже поняла, что пришла беда, но признавать все еще отказывалась. Она смотрела снизу вверх на высокого худого мужчину в черной форме, так похожей на военную, на сосредоточенные зеленые глаза, резко очерченные скулы и темные лохматые волосы. Так выглядела смерть. Для нее.

— За кем? — прошептала, с ужасом перебирая в голове варианты. Из детской раздался плач, и пальцы непроизвольно стиснули пояс халата.

Но на разговоры времени не оставалось совсем. Костя вихрем ворвался в квартиру, отпихнув хозяйку.

— Светка, кто там? — открыл дверь комнаты и прошептал босиком по коридору отец семейства. Жить ему оставалось какие-то крохи. Вместе с запахом из мира исчезали и краски, и сейчас лишь этот полноватый мужчина лет сорока в семейных клетчатых трусах казался нестерпимо, чрезмерно ярким и реальным. Натянутые Костины нервы чуть отпустило: успевает! Остальное не важно.

Многие называли реинкарнаторов бесчувственными, лишенными эмоций, а то и извращенцами, получающими удовольствие от чужой смерти. Это, конечно, ерунда. Они обычные люди, с разными чувствами, так же радуются и печалются, бывают добрыми и злыми. Просто к смерти относятся спокойно. Но это тоже не уникальная особенность: далеко не все боятся умереть.

Странно: почти пятьсот лет как на Земле появились Купола, тьма народу живет по второму, третьему, а то и четвертому разу, и при этом до сих пор многие считают смерть чем-то ужасным. Ну да, это не прогулка в театр, но сходиться с ума от горя?! Костя не мог этого понять. Наверное, потому, что он, как и все реинкар-

наторы, с рождения знал, что такое смерть, чувствовал ее, видел ее глазами.

В два года в гостях маленький Костя спокойно произнес, что «деда чичас умрет». В памяти не остались ни взволнованные взгляды родителей, ни сжатые добела губы деда, ни беготня. Зато тот первый запах, запах, сопровождающий его жизнь, он запомнил очень четко, навсегда. Откуда он знал, чем пахнет? Просто знал.

Родители не хотели верить... В конце концов, с бабушкой он мог просто угадать: тот давно болел, последнее время не вставал с постели. А пахло... может, лекарствами. Увы, через несколько лет мальчик вновь «угадал». Мать потом долго рыдала в спальне, а отец ходил кругами по квартире, будто верующий вокруг ступы. Это уже позже Костя понял, чего это они. Тогда же просто пожал плечами и выбросил из головы. Ну подумаешь, чует смерть. Верка вон помнит своего убийцу, поэтому в бассейн не ходит. Воды боится до одури. Дядя Леша объяснил, что это панические атаки, а про убийцу Маринка всему классу растрепала, а еще подруга называется! Хорошо, Верка не в курсе, что все уже знают... А раз он, Костя, чует смерть, значит, он еще и беспамятный — никогда не вспомнит своей прежней жизни, жизни до рождения.

— В комнату! Живо! — Костя втолкнул умирающего за дверь, бросился на колени, быстро, но бережно положил перед собой чемоданчик и щелкнул замками. Краем глаза увидел в дверном проеме знакомый халат и, не поворачивая головы, приказал: — Вон отсюда!

— Нет! — жена из оцепенения сорвалась в истерику. — Вы не можете! Это ошибка! Он здоров! У нас дети! Так нельзя!

— Будьте детей! Закончу — прощается! — Костя подскочил, выпихнул ее из комнаты и захлопнул дверь, мысленно добавив: «Если успеете...»

— Значит, я сейчас умру? — растерянно пробормотал мужчина, сидя в одних трусах на смятой кровати, где только что спал в обнимку с женой.

Ответа он не услышал. Лишь лампочка на кармографе на мгновение мигнула зеленым, а затем стала красной.

Костя отошел на два шага, чтобы не смазался слепок. Черные хромовые сапоги громко цокали о паркет в тишине.

— Мне страшно... — Мужчина задыхался, разевая рот, как рыба. На несколько секунд ему удавалось прийти в себя, и тогда он говорил. Видимо, это придавало сил пережить следующий приступ.

— Не бойтесь, это не самая плохая смерть. У вас она будет быстрой и легкой.

— А что дальше?

Костя развел руками:

— Будто не знаете! Переродитесь как миленький. Я же успел!

— Да... все никак не привыкну умирать. Тошка, Машка... они ж еще в садик ходят, как Светка с ними справится без меня?

Костя вместо ответа спросил имя и фамилию — потом потребуется для отчета.

Кармограф пискнул, и лампочка вновь стала зеленой, как Костины глаза. До последнего он сомневался, что успеет. Слишком поздно почувал, времени почти не оставалось.

— Прощайтесь! — крикнул он, распахивая дверь.

В спальню влетели жена и двое детей и замерли в ужасе. Папа стоял на карачках, задыхался, хватал ртом воздух, нелепо размахивал руками в попытках схватиться за что-нибудь. Лицо уже начало синеть.

— Помогите ему! — закричала женщина, но Костя разбирал кармограф и будто не слышал. Симптомы походили на тромбоэмболию в легочной артерии, а это однозначная смерть. Впрочем, диагноз абсолютно не важен. Если появился запах, то все уже не важно.

Пока жена бессмысленно суетилась, а дети ревели, Костя вышел из комнаты и вызвал «скорую» медицинскую помощь. Именно она зафиксирует смерть. Затем ушел, пока на него никто не обращал внимания.

Женский отчаянный крик, переходящий в вой, был слышен даже на улице, а для Кости мир наконец обрел свой объем, запах и цвет. Преобладал черный. Цвет ночи.

Машина нашлась по огоньку сигареты: Митя вовремя вылез на перекур.

— Едем? — приготовился он выбросить окурок.

— Погоди.

Косте нужно было очухаться, подышать холодным осенним воздухом, подождать, пока сердце перестанет стучать, как у жокея на скачках, и адреналин уйдет из крови. Он не боялся смерти, но до ужаса боялся не успеть. У Кости, как и у коллег, иногда на руках умирали по-настоящему. Без слепка кармы. Значило ли это, что они больше не перерождались? Неизвестно. Весь штат московского НИИ реинкарнации не мог ответить на этот вопрос. Считалось, что умершие без слепка рождались вновь, но не помнили прошлую жизнь.

Оставались ли они теми же самыми личностями? Над этим вопросом до сих пор ломают головы философы, для простых же людей смерть без слепка кармы — окончательная, настоящая. Если живешь в другом теле, в другой семье, может, даже в другой стране и ничего не помнишь о себе прежнем — ты уже другой человек, прежний ты умер. Умер не только для всех родных и друзей, но в первую очередь для себя.

— Ладно, хватит мерзнуть. Поехали, — вздохнул Костя.

Они забрались в тепло салона, и двигатель ожил. Желтая машинка с надписью «Скорая реинкарнаторская помощь» тихонько, чтобы не разбить подвеску о колдобины, поехала на патрулирование по Москве. На капоте красовался символ Министерства реинкарнации: круг, прерывающийся в трех местах. Он же был на чемоданчике с кармографом и на воротах кителя сотрудника «скорой».

Костя достал свой рабочий коммуникатор. Машину потряхивало, и палец то и дело попадал в соседние буквы. Это бесило, но останавливаться не хотелось. Надо всего лишь записать имя, адрес и время слепка, и опыт подсказывал, что лучше это сделать сейчас, пока помнишь. Без этих записей в статотделе не примут пластины с кармой, сиди потом, насилуй память.

Покончив с бюрократией, он включил радио. Пощелкал и остановился на новостях. «Президент нанес официальный визит в Королевство Раттанакосин...», «Два человека погибли во время демонстрации за независимость Сенегала от Франции...», «Российские хоккеисты вышли в полуфинал...».

Митя поморщился, но смолчал. По негласной привычке во время дежурства реинкарнаторам никто не смел перечить, они выбирали дорогу, радиостанцию, темы для разговоров и даже кофейню, где под утро, когда спать хотелось сильнее, чем жить, покупали обжигающе горячий кофе в бумажных стаканчиках. Впрочем, Константину Юрьевичу вообще мало кто осмеливался перечить: семнадцать лет работы на «скорой» — это не шутки!

Его неоднократно звали к себе частные фирмы, но он отказывался, несмотря на мизерную зарплату и вы-

матывающий график сутки через двое. Формально, конечно, через трое, но оперативников всегда не хватало, так что часто приходилось затыкать дыры. Вот как сегодня. Все знали: самые тяжелые смены — с ним. Ни отдыха, ни продыха. Он будто гончая, взявшая след. Закончить пораньше хоть на полчаса? Ха! Забудь. Спасибо, если еще не задержишься на час-другой.

Новости на радио сменились болтовней об отмене обязательной реинкарнации. Законопроект рассмотрели уже со всех сторон, о нем высказались не только политики и экономисты, но даже артисты, певцы и спортсмены. Лишь российская буддистская община молчала, будто дала священный обет. На окончательное решение по законопроекту, при горячей поддержке правительства и категорическом неприятии Ордена реинкарнации, могла повлиять именно позиция общины — позиция третьей силы. По радио проправительственный экономист сулил огромную экономию бюджетных денег. Вот только не уточнял, что экономия предполагалась за счет увольнения реинкарнаторов и еще большего снижения и так скудного финансирования «скорой» помощи. Молчал и о том, что в частных компаниях цены за слепок кармы сразу бы подскочили вдвое, а то и втрое, что закрывало возможность перерождения беднякам, а это несколько миллионов россиян. Зато о пополнении казны за счет налоговых отчислений разливался соловьем.

Костя злился, когда слышал эти аргументы, но через секунду все это стало не важно.

— Газу! Газу!

Шофер вздрогнул, вдавил педаль в пол, врубил мигалку и крутанул руль. К счастью, разворот на сто семьдесят градусов с заносом прошел без инцидентов: Рязанское шоссе по случаю глубокой ночи и начала